

пользовались золотые статеры Александра, которые вообще имели международное значение; поэтому в таких случаях мастера для образца могли брать золотые статеры Александра и чеканить их видоизмененные варианты. Этим и объясняется упрощение и низкая техника чеканки монет частными мастерами, а также искажение иконографии, разница в весе, в пробе золота и пр.

Видимо, подобными монетами пользовались менее богатые люди, и они обычно встречаются именно в их погребениях. Нужно отметить, что монеты грубого подражания в богатых погребениях питиахшей (эриставов) в Армазском (Мцхета) некрополе, где оказалось 37 золотых ауреусов и 29 римских денариев, пока не найдены. А между тем Армазский некрополь синхроничен с погребениями Клдееги, где были найдены 13 золотых монет грубого подражания статерам Александра.

Итак, монеты-подражания статерам Александра были распространены в Колхиде и Иберии в I—III вв. н. э. Чеканились они частными мастерами для погребального инвентаря. С такой же целью чеканились также грубые подражания римским монетам, например денарии Октавиана Августа¹, подражание золотому ауреусу императора Нумериана, найденное в погребении сел. Агаяни² и др.

С. И. Макалатия

РЕФОРМА ПИСЬМЕННОСТИ ПРИ ДАРИИ I

Вопрос об интерпретации § 70 Бехистунской надписи, содержащего указание на реформу письменности, проведенную Дарием I, еще до сих пор, поскольку я знаю литературу предмета, не решен со всей точностью и четкостью. Поэтому я позволяю себе предложить интерпретацию указанного текста, которая, как я полагаю, кладет конец спору о том, какую письменность Дарий повелел употреблять как официальную для дарских канцелярий всей обширной державы Ахеменидов.

Трудность интерпретации § 70 Бехистунской надписи усугубляется, как известно, тем обстоятельством, что персидский текст этого параграфа сохранился крайне плохо и не поддается связному переводу. Кроме того, в данном отрезке персидской части Бехистунской надписи, т. е. в строках 89—92 ее четвертого столбца, имеются два слова, не поддающиеся истолкованию. Ниже приводится все, что сохранилось от строк 89—92 четвертого столбца персидского текста³ Бехистунской надписи.

ḡātiy (Dāryavaus) xšāyaθiya vašnā) [a]u(89)[ramaz]dā [ha] i...
 dipi.....āmakunavam..tišama..ā..t.avast (90) [ā]ya[m]
 ....āxara.... [niyap]išam iya..ipi...namaθahavaĵa⁴
 ....iša....ādā(91)....mutā ....i....t(m)ā...tiya....ya
 .i..iyāmā..⁵ pasāvaimadipi(92)...ima...āvatā
 .....aⁿtardahya[va] k]arahamaamaxamatā⁶

¹ А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, стр. 76—77; Е. А. Павлов, Монеты Грузии, ЗНОИРАО, т. I, вып. IV, СПб., 1910, стр. 10—11.

² С. А. Макалатия, Археологические находки в сел. Сакобиано, Дабла-Гоми и Агаяни. ИМГ, XI-B, стр. 89; А. Н. Зограф, ИГАИМК, вып. 110, стр. 31.

³ Транскрипция по способу Meillet («Grammaire du vieux Perse», P., 1915). Использованы издания: Н. С. Толман, Ancient Persian Lexicon of the Achaemenidan Inscriptions, transliterated with special reference to their recent re-examination, 1908, стр. 30 и Weissbach, Keilinschriften der Achämeniden, Lpz., 1914, стр. 70.

⁴ Слово, не поддающееся пока общепринятому истолкованию.

⁵ Здесь я следую Вейсбаху. Тольман дает: iyā mā[m]pasāva.

⁶ Этот глагол еще не может быть с полной уверенностью интерпретирован.

«Говорит Дарий царь: волею Аху(89)рамазды ...¹, писание ..... я создал...
 ..... (90) .....² ..... я написал .....
 ..... (91) ..... и ..... затем это пи(92)санне
 ..... в сатрапии. Народ.....
 .....»

Таким образом, мы действительно убеждаемся в том, что персидский текст § 70 Бехистунской надписи сам по себе ничего не может дать историку. В подобных случаях, когда персидский текст ахеменидской надписи сохранился столь плохо, исследователь обращается к вавилонской версии³ надписи, а затем и к эламской. В данном случае, к сожалению, персидский текст не был переведен на вавилонский язык, и имеется налицо одна лишь эламская версия, сохранившаяся, правда, полностью без малейшей лакуны; текст эламской версии написан высоко над рельефными изображениями, в отдалении от основной надписи, и поэтому она рассматривалась первоначально как самостоятельная надпись, так называемая Бехистунская надпись L⁴.

В настоящее время эламитология сделала очень большие успехи; установлено, что разговорным языком в Персеполе был эламский язык⁵, поэтому перевод эламского текста получает большую определенность.

Эламская версия § 70 Бехистунской надписи

(в латинской транскрипции⁶)

- (1) ¹da-ri-ia-ma-u-iš sunkuk na-an-ri za-u-
 (2) mi-in^{an}u-ra-mas-da-na ¹ú — stip-pi-me

¹ В переводе я обозначаю точками те знаки или группы знаков, а также буквы, которые я оставляю без интерпретации.

² avast[ā]ya[m] я оставил без перевода. В е й с б а х (ZDMG, т. 61, 1907, стр. 730) готов был видеть здесь упоминание об Авесте. По мнению Hoffmann-Kutschke (см. ст. Вейсбаха, ZDMG, т. 63, 1909, стр. 844), avastāyam соответствует avastāyam Бех. надписи, I, стк. 66 и 69. Вейсбах прав, указывая на отсутствие добавления претерита в форме avastāyam, но он не прав, когда опровергает предположение Гоффманна-Кучке утверждением, что avastāyam «я восстановил» не может иметь в эламском тексте эквивалент hudda «я сделал», соответствующий всегда персидскому ашавам «я сделал» (там же). Дело в том, что мы имеем в § 13 Бех. надписи соответствие эламского hudda «я сделал» (в выражении sunkuk-me hudda «я сделал царствование») персидскому ававам (в выражении xšāyaθiya avavam «я сделался царем»).

³ Вавилонская версия имеет исключительное значение, так как дает возможность интерпретировать персидские тексты с максимальной точностью. Громадную помощь, которую может оказать вавилонская версия при интерпретации основного персидского текста, иллюстрирует перевод двух важнейших мест новой надписи Ксеркса о дэвах. Там персидский текст говорит об одной восставшей стране и об одном разрушенном храме дэвов. Вавилонская же версия употребляет и в том, и в другом случае множественное число, и поэтому мы имеем право сделать вывод, что в данном контексте единственное число в персидской части надписи обозначает коллективность.

⁴ См. историю этого вопроса в ZDMG, т. 63 (1909), стр. 837 сл.

⁵ Теперь, после открытия в «здании сокровищницы» многих сотен эламских табличек, при полном отсутствии древнеперсидских документов хозяйственной отчетности, предположение о том, что разговорным языком в Персеполе был эламский язык, еще более подкрепляется.

⁶ Я пользуюсь транскрипцией, предложенной и обоснованной Вейсбахом в его «Keilschriften der Achämeniden», стр. XXXIV—XXXVI и XXXIX. На критику ее со стороны Борка, ZDMG, т. 64 (1910), стр. 575 сл., Вейсбах дал убедительный ответ в статье «Zur Kritik der Achämenideninschriften», ZDMG, т. 67(1913), стр. 272 сл.

⁷ Вертикальный клин, служащий детерминативом лица.

⁸ Детерминатив, стоящий перед словами, которые обозначают такие понятия,

- (3) da-a-e ik-ki hu-ud-da har^{mur} 1-ri-ia-ma
 (4) ap-pa ša-iš-ša in-ni lip-ri ku-ud-da ► ha-la-
 (5) at uk-ku ku-ud-da SU^{id}² uk-ku ku-ud-da
 (6) ► hi-iš ku-ud-da e-ip-pi hu-ud-da ku
 (7) ud-da tal-li-ik ku-ud-da^{Iú} ti-
 (8) ib-ba be-ib-ra-ka me-ni ► tip-pi-me am-
 (9) min-nu^I da-a-ia-u-is mar-ri-da ha-ti-
 (10) ma^{Iú} tin-gi-ia^Itaš-šu-ib-be sa-pi-iš³

Ключом для вскрытия подлинного значения этого параграфа Бехистунской надписи является группа знаков, которую Вейсбах читал har-ri-ia-ma и переводил «по-арийски»⁴, а его противники — Борк, Кениг и др. читали mi-gi-ia-ma и видели в нем обозначение какой-нибудь краски, употреблявшейся для письма на коже или каком-нибудь другом материале⁵. Установление правильного чтения указанной группы знаков потребует ниже специального исследования, и поэтому я дам сейчас лишь предварительный перевод эламской версии § 70 Бехистунской надписи.

«^I Дарий царь говорит: во(2)лею Ахурамазды я писание (3) новым способом сделал (оставил) har-ri-ia-ma (resp. mi-gi-ia-ma), (4) которого раньше не было или на⁶ необожженном кир(5)пиче⁷ или на коже⁸, как (6) имя, так и печать я сделал (поставил). К(7)ак написано оно было, так мне...(8)⁹ и прочитано было... Затем писания э(9)ти в страны все (10) я послал, люди [им] следовали (?)¹⁰».

Основным спорным пунктом этого текста является, как я уже выше сказал, интерпретация той группы знаков, которую одни исследователи читают harriia-ma, а другие — mi-gi-ia-ma.

Вейсбах, читавший harriia-ma и переводивший это слово «по-арийски», буквально «арийски по», видел в § 70 Бехистунской надписи указание на создание Дарием I персидской клинописи и был поэтому готов признать, что надпись «Я Кир царь Ахеме-

как земля, гора, скала, местность, город, крепость, дорога, дом, надпись и т. д. См. Вейсбах, ук. соч., стр. XLIII.

¹ Разночтение; см. о нем ниже.

² Вейсбах рассматривает этот знак в качестве указателя того, что предшествующий знак используется не как фонема, а как идеограмма. Борк, ZDMG, т. 64, стр. 569, прим. 3, считает доказанным, что этот знак является показателем множественного числа. Это предположение было высказано уже давно Сэйсом, но ему возражал, с моей точки зрения убедительно, Вейсбах, Die Achämenideninschriften zweiter Art, Lpz., 1890, стр. 43.

³ Weissbach, Keilinschriften der Achämeniden, Lpz., 1911, стр. 70.

⁴ Буквально «арийски по».

⁵ Борк (ZDMG, т. 64, стр. 579) готов перевести это выражение или «чернила», или «тушь»; Кениг, Relief u. Inschrift des Königs Darius am Felsen von Bagistan, Leiden, 1938 и «Pseudobardijs», Wien, 1938, эскиurse III, переводит его словом «пурпуровая краска».

⁶ Сам Вейсбах должен был признать (ZDMG, т. 67, 1913, стр. 321), что существование в эламском языке послеслога ukku со значением «на», «по» можно считать доказанным.

⁷ См. ZDMG, т. 55, 1901, стр. 233 сл.

⁸ Борк в ZDMG, т. 64, 1910, стр. 569; возражения Вейсбаха, ZDMG, т. 67, 1913, стр. 318 сл., не опровергают интерпретации Борка, поскольку мы в данном слове имеем не фонетическое, а идеографическое написание.

⁹ Tibba — неясное слово. Интерпретация Кенига меня не убеждает.

¹⁰ В известной мне литературе это слово еще не получило точной интерпретации.

нид» в долине Мургахба к северо-востоку от Персеполя восходит не к Киру Великому, а к Киру Младшему¹. Борк, Кениг и другие, читавшие *mrgiia*-та и переводившие «пуригуровой краской» или «чернилами» и т. п., видели в § 70 Бехистунской надписи свидетельство о введении Дарием арамейского алфавитного шрифта также и для тех документов, которые составлялись на персидском языке. Тем самым они готовы были возвести создание персидской клинописи к эпохе до Дария V, ко времени Мидийской державы. Так, уже в 1900 г. Хюзинг, один из противников чтения Вейсбаха, утверждал, что «персы, повидимому, переняли свою клинопись от мидян»².

Я полагаю, что те исследователи, которые читали *mrgiia*-та и видели в этом слове название какой-то краски, стояли на неправильном пути чтения и интерпретации этой группы знаков, хотя они и были, как мы увидим ниже, несомненно правы в отношении общего понимания постановления Дария о новом способе составления надписи.

Правда, формально чтение *mrgiia*-та, а не *hargiia*-та можно допустить, так как Борку удалось доказать, что эламская клинопись также допускала для знака *hag* второе чтение *mr*³. По существу же, конечно, возможность чтения *mrgiia*-та почти исключена, ибо чтение интересующей нас группы знаков как *hag-gi-ia*-та и интерпретация ее «по-арийски» были доказаны Вейсбахом ссылкой на эламскую версию Накширустемской надписи «А», где мы имеем ту же группу знаков с бесспорным чтением *hag-gi-ia* и бесспорным пониманием «ариец», поскольку в персидском тексте надписи ей соответствует слово *ariia* (ZDMG, 63, стр. 840): Дарий I в указанной надписи говорит о себе, что «он ариец, арийского семени». Теперь мы можем сослаться и на сравнительно недавно открытую надпись о дэвах Керкеа. Здесь мы встречаем ту же формулу и в персидском тексте и в эламской его версии: «ариец, арийского семени»⁴. В надписях о дэвах она применена по отношению к Керкеу, сыну Дария. В эламской версии §§ 62 и 63 бог Ахурамазда назван *an-par hargiianam* «богом арийцев». Таким образом, можно указать на шесть бесспорных примеров чтения исследуемой группы, как *hargiia* и понимания ее, как «ариец», resp. «арийский». Поэтому я утверждаю, что транскрипция *hargiia*-та и перевод «по-арийски», предложенные Вейсбахом для исследуемой группы знаков эламской версии § 70 Бехистунской надписи, являются бесспорно правильными.

Но прав ли Вейсбах в интерпретации текста § 70 Бехистунской надписи, взятого в целом, как свидетельства о создании Дарием I персидской клинописи? Вейсбах считал, что, таким образом, создание «национального» письма и превращение древнеперсидского языка в язык письменный было делом, достойным такого царя, как Дарий, и заслуживало того, чтобы быть увековеченным в надписи. Применение же чернил, глины и кожи как письменного материала было в это время уже настолько обычным, что Дарий не решился бы сделать себя смешным, заявляя, что он сделал в данном случае то, «чего раньше не было» (ZDMG, 67, стр. 331). Конечно, Вейсбах не утверждал, что Дарий сам изобрел персидскую клинопись; он настаивал лишь на том, что, как видно из его интерпретации § 70 Бехистунской надписи, повелением Дария было создано новое арийское письмо, «которого раньше не было», т. е. персидская (арийская) клинопись. Лишний довод в пользу своего положения Вейсбах находит в одном из писем, приписывавшихся в императорскую эпоху Фемистоклу. В этом письме требуется присылка «4 самых больших из серебряных кратеров и золотых курильниц, на ко-

¹ Weissbach, Keilinschriften der Achämeniden, стр. LXVIII сл. и ZDMG, т. 67 (1913), стр. 332.

² OLZ, 1900, стр. 401 сл. Ср. Markwart, Untersuchungen zur Geschichte von Iran, II, стр. 193 сл.; Ed. Meyer, Die Papyrusfund von Elephantine, Lpz., 1912, стр. 100.

³ ZDMG, т. 64, 1910, стр. 577. Это наблюдение Борка должен был признать и Вейсбах, ZDMG, т. 67 (1913), стр. 330.

⁴ Herzfeld, Altpersische Inschriften, В., 1938, стр. 35.

торых написаны древние ассирийские письменные знаки, не те, которые Дарий, отец Ксеркса, недавно составил персам»¹. Неправ Эд. Мейер, когда он издевается над Вейсбахом, что тот использует для решения проблемы эпохи Ахеменидов фальшивку, созданную в императорское время²: ведь это письмо Фемистокла, хотя и являлось неподлинным, могло сохранить ценные исторические данные.

В этом отношении Вейсбах вполне прав, и с ним согласен и Херцфельд («Клио» VIII, стр. 68), но последний делает из письма, приписываемого Фемистоклу, вывод, противоположный тому, который сделал Вейсбах. Херцфельд, с моей точки зрения, основательно указывает на то, что грек не мог бы отличить персидскую клинопись от ассирийской, а поэтому он и видит в письменах, «которые Дарий, отец Ксеркса, недавно составил персам», не персидскую клинопись, а арамейское алфавитное письмо. Арамейские буквы, конечно, можно было легко отличить от любых клинописных знаков³. Таким образом, письмо, приписываемое Фемистоклу, является свидетельством в пользу того, что Дарий ввел арамейский алфавит для написания документов на персидском языке. Свидетельство письма Фемистокла подкрепляется и § 70 Бехистунской надписи, если рассматриваемую группу вслед за Вейсбахом читать haḡḡiia-ša и переводить «по-арийски». Однако, будучи прав в отношении чтения и перевода этой группы, Вейсбах совершенно не прав, давая слишком широкое истолкование выражению «по-арийски». Как полагал Вейсбах, этим выражением Дарий хотел заявить, что он был первым, который составил надписи арийским письмом и на арийском языке. Это слишком широкое толкование haḡḡiia-ša («по-арийски»). Самым естественным толкованием выражения «по-арийски» является перевод «на арийском языке». Такое толкование станет еще очевиднее, когда мы дадим перевод выражения haḡḡiia-ša в окружающем контексте: «Дарий царь говорит: волею Ахурамазды я писание другим способом составил по-арийски, чего раньше не было, как на необожженном кирпиче, так и на коже, как имя, так и печать, я поставил...». Дарий подчеркивает, таким образом, что он составил надписи на арийском языке другим способом, чего раньше не было, и велел написать их на необожженной глине и на коже, а потому и мог поставить на них как свое имя, так и печать. Правда, Вейсбах, как я выше указал, отвергал возможность интерпретации § 70 Бехистунской надписи таким образом, чтобы видеть в ней указание на нововведение в деле увековечения текста на глине или коже. Применение глины и кожи, как материала для письма, было слишком древним во время Дария, чтобы царь мог себе позволить, по мнению Вейсбаха, отрицать использование до него подобных материалов для письма (ZDMG, 67, стр. 331). Однако это возражение Вейсбаха потеряет всякую силу, если мы вспомним, что документы на персидском языке, писавшиеся клинописью, писались на камне, а на коже и глине цари Персии велели писать не «по-арийски», а по-вавилонски, по-сирийски, по-эламски и т. д. Теперь же царь Дарий велел составлять надписи другим способом — «по-арийски», т. е. арамейским алфавитным шрифтом на коже и на глине с оттиском на них своего имени и печати.

Использование арамейского алфавита для написания древнеперсидских текстов подтверждается тем, что в 1923 г. на гробнице Дария I была открыта раньше не отмеченная надпись, написанная арамейским алфавитом; надпись оказалась слишком разрушенной, чтобы читать ее в связном виде или чтобы ее восстановить, однако некоторые слова, как, например, xšāya ōya vaḡtka «великий царь», или māhūā «в месяце»

¹ «Epistolographi graeci», rec. R. H e r c h e r, стр. 762.

² Ed. M e y e r, Papyrusfund von Elephantine, Lpz., 1912, стр. 100.

³ Попытка Вейсбаха, Keilinschriften der Achämeniden, стр. LXIII, спорить с выводом Херцфельда не является убедительной. Он сам должен признать, что Корнелий Непот слишком преувеличил познания Фемистокла в области персидского письма, а Ф у к и д и д (I, 138,1) и П л у т а р х (Themisth., 30) свидетельствуют лишь о том, что он изучил персидский язык.

доказывают, что это — персидская надпись, написанная арамейским алфавитом¹. Уже Херцфельд, открывший эту надпись, считал, что «использование арамейского алфавита как официального письма для древнеперсидских надписей было нововведением Дария, который считал его настолько важным, что упомянул о нем в Бехистунской надписи»². Херцфельд, однако, не дал здесь более подробно той новой интерпретации § 70 Бехистунской надписи, необходимость которой вытекает из его открытия: ведь Херцфельд стоял в этом вопросе ранее весьма близко к Борку и Кенигу («Klio», VIII, стр. 66). Поэтому и в 1939 г. в литературе вопроса еще дебатировалось мнение, что реформа письменности, проведенная Дарием, заключалась в введении персидской клинописи и что надпись Кира в Мургхабе была вырезана по приказу Дария I³.

Поэтому я считаю, что предложенная мною интерпретация эламской версии § 70 Бехистунской надписи — «Волею Ахурамадзы я писание другим способом составил по-арийски, которого раньше не было, как на необожженном кирпиче, так и на коже и т. д.» — имеет некоторое значение для истории. Из этой интерпретации вытекает, что Дарий впервые ввел не применявшееся до него письмо для надписей на арийском (персидском) языке — арамейский алфавитный шрифт. Тем самым она свидетельствует и о том, что персидская клинопись не была создана Дарием, а существовала до него, я полагаю, даже в эпоху Мидийской державы.

Акад. В. В. Струве

LUCRETIANA II

К вопросу об исторической концепции в поэме Лукреция⁴

Доклад на кафедре классической филологии МГУ 15 ноября 1950 г.

Философская поэма Лукреция является ярким примером того, как своеобразно преобразуется греческий материал в римской действительности, приобретая новые черты и отражая свое время (середина I в. до н. э.). Отсюда возникает и ряд проблем в изучении этой замечательной поэмы. В этом этюде я остановлюсь на исторической концепции в поэме «О природе вещей». Данный вопрос уже рассматривался в советской науке — в статье проф. Н. А. Машкина «Время Лукреция» и отчасти проф. В. И. Светловым в статье «Мировоззрение Лукреция»⁵. Однако возможны и дальнейшие наблюдения в этой области.

Известна та бурная эпоха в истории Рима, в какую жил Лукреций. Эта эпоха острой классовой борьбы оставила глубокий след в душе впечатлительного поэта. Отсюда его пламенная пропаганда эпикуреизма, отсюда особенности его мировоззрения вообще. Классовый характер мировоззрения Лукреция определяется различно. Трудно доказать, что эпикурейская этика была в интересах именно всадников, как полагают проф. Асмус⁶ и проф. Светлов (ук. соч., стр. 92). Необоснованным кажется и утверждение И. М. Тронского: «Для дельцов из всаднического сословия, укло-

¹ Herzfeld, Archaeological History of Iran, L., 1935, стр. 48. С этой точкой зрения согласен и А. А. Фрейман, ВДИ, 1940, № 2, стр. 126 сл.

² Herzfeld, ук. соч., стр. 48.

³ W. Hinz, Zur iranischen Altertumskunde. ZDMG, т. 93 (1939), стр. 380; он же, Die Einführung der altpersischen Schrift, ZDMG, т. 96 (1942), стр. 343 сл.

⁴ Н. Ф. Дератани, Lucretiana, ВДИ, 1950, № 1.

⁵ Лукреций, О природе вещей, II, Изд. АН СССР, 1947, стр. 87 сл. и 236 сл.

⁶ См. введение к переводу поэмы Лукреция, выполненному Ф. А. Петровским, «Academia», 1936.